

ДОКЛАДЫ

Т. А. Апинян³

«БЫВШИЕ» И «НОВЫЕ» РОССИЯНЕ: СКЛАДКА ИСТОРИИ

Когда все расселится в рай и в аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
В 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

В. Маяковский. Для истории

Несколько лет назад мы делали на «Радио России из Петербурга» передачу, посвященную роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». И вдруг

оказалось, что роман о Гражданской войне в США содержит множество тем, не только актуальных для нашей недавней истории, но и, можно сказать, универсальных, с замечательным постоянством возрождающихся всегда и везде, где имеет место «перестройка» с вытекающими из нее последствиями, общественными ожиданиями и стремлением к стабилизирующим формам жизни. Перечислим некоторые из них. Реконструкция социальных слоев и новые денежные аристократы; новые русские (или американцы — неважно) и возвращение к традиции; ветераны войн и новая реальность; и наконец,

³Профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук.

люди, на которых в послереволюционной России 1920–1930-х гг. нацепили ярлык «бывшие».

В Ленинграде 1960–1980-х гг. еще жили «бывшие» — те, кто в силу дворянского или купеческого происхождения были лишены состояния и прав. Их дети не могли учиться в высших учебных заведениях; на внуков запреты формально не распространялись, но реально применялись. «Бывшие» стали людьми-воспоминанием и в то же время людьми-напоминанием, образцами иной, более эстетизированной и одухотворенной жизни; демонстрацией достоинства, сохраняемого в любых условиях.

«Бывшие» представляли особый слой, а главное — являли особую субкультуру в пространстве новой, постреволюционной городской культуры. Профессор, выделяющийся старомодными манерами, непереносимая своей воспитанностью бывшая институтка, грустный и сдержанный «господин» в шляпе приводили в бешенство «новых хозяев», заселивших коммунальные квартиры. «Бывшие» составляли контингент залов филармонии, Александровского, Таврического и Летнего садов. Выделялись старомодной опрятностью и поношенностью одежд. В Петербурге–Ленинграде той поры можно было встретить даму в пинетках и мужчину в заштопанном френче образца Первой мировой войны.

«Бывшие» — люди преодоления и возрождения. Люди, живущие воспоминаниями и не желающие поступиться образом жизни, манерами, образованностью, дисгармонирующими с окружением. Существующие изолированно, своим кругом, они являлись объектом интереса со стороны «новой молодежи», как правило, гуманитарной ориентации, которая чувствовала в них тайну другой жизни, не только оваянной ароматом истории, но и излучающей обаяние, которое может быть результатом только многотрудных дум, переживаний, отчаяния, возрождения и духовного опыта.

Женщины из их среды становились подпольными гувернантками, хотя в социалистическом обществе нельзя было помыслить о такой воспитательской профессии. Так, в ленинградских парках можно было встретить старомодных дам, окруженных несколькими детьми, которых они не просто «выгуливали», но обучали стихам и языкам.

«Бывшие» являют собой особый феномен, не сводящийся к локальной петербургской культуре определенного периода. Перечитайте роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». В описании «бывших» южан — плантаторов времен войны между американскими Севером и Югом — узнаются черты «бывших» петербуржцев. И там, и здесь — память детства. Митчелл расспрашивала тех, кто знал «бывших южан»; люди моего поколения помнят «бывших петербуржцев». А память — это всегда мифологизированная действительность, но то, без чего невозможно существование культуры как преемственности. Жизнь прирастает памяти.

Вспомним: «Атланта была городом, где музицировали и любили музыку». В Петербурге донье так.

«Реконструкция им была чужда» (о южанах). Перестройка первой волны — послереволюционная эпоха — вызывала еще большее отторжение у «бывших», не говоря уже о сегодняшней «перестройке», если бы они до нее дожили. Вот цитаты по этому поводу из «Унесенных ветром»: «время кричащей безвку-

сицы, еды, денег, кричащих драгоценностей». «В основе состояний — спекуляция, обман, воровство, акции несуществующих предприятий» (финансовые и строительные пирамиды наших дней). Что существенно отличало «новых южан» из янки от «новых русских» 1920–1960-х гг., так это страстное желание войти в среду «бывших» у первых и бессознательная или вынужденная изоляция — у вторых.

Непринужденность в общении, забота о женщинах. Коренные ленинградцы помнят, как в троллейбусы заходили согласно очереди, и невозможно было не уступить место старшим и женщинам.

Гордая бедность. «Не надо устраивать свалку из-за каждого гроша, подобно янки», — замечает один из героев романа Митчелл. «Бывшие» — люди, потерпевшие поражение, но продолжающие сохранять и внутреннее, и внешнее поведенческое достоинство. Для барышни из данного круга обязательный набор умений — музыка, танцы, вышивание, манеры. Псевдогувернантки из «бывших» выполняли соответствующий заказ «новых петербуржцев–ленинградцев». Примечательно, что в первую очередь он возрождался в среде послевоенных офицеров, то есть людей, закономерно имевших более высокий статус, приобретенный к субординации и в известном смысле привилегированных.

Здесь хочется вспомнить еще один афористичский пассаж из «Унесенных ветром», имеющий отношение к семейно-брачным приоритетам в среде «новых русских». Ах, какой леди она станет, когда у нее появятся деньги, думает Скарлетт О'Хара: доброй, нежной, милосердной. «Без денег нельзя быть леди!» Таковы приоритеты девушек, соединяющих свою жизнь с новыми русскими. А те, со своей стороны, нередко похожи на «подвернувшегося» мужа героини, который «поймал тропическую птицу, тогда как его вполне устроила бы обыкновенная курица».

Следует отметить особую черту, отличающую «бывших» из собственно России от зарубежных. Если в эмигрантских семьях утрата уровня культуры и родного языка приходилась на третье поколение, то в России — на второе. «Бывших» страшило, что их исключительность перейдет на детей и лишит их возможности адаптироваться в новом обществе. К этому добавлялась атмосфера обновленческого пафоса, культивируемого в «обществе строителей коммунизма». Поэтому духовное наследие переходило в большинстве случаев либо стихийно, либо к юношеству из чуждой среды, к «парвеню», подпадавшим под очарование узанного образа, возвращенного классической литературой.

Большинство в данной среде составляли женщины, что закономерно в силу трагических обстоятельств русской истории XX в. и что, со своей стороны, наложило отпечаток утонченной женственности на петербургскую культуру. Тому имеется много причин.

Наследование шло по женской линии и затрагивало девушек нового поколения более, чем юношей. Женщины в большей степени склонны к традиции, чем мужчины. Девушки более впечатлительны и не могли остаться чуждыми к «унесенному ветром... аромату этих роз», как процитировала Горация Маргарет Митчелл самим названием своего романа. Школьное образование ориентировалось на литературную классику, то есть на идеалы, в большинстве

случаев воплощенные в поведении лиц из бывших привилегированных сословий.

Социальная роль «бывших» беспрецедентна. Их наличие — обязательное условие передачи культуры. По сути, они представляют собой разреженное революцией и войнами поколение, благодаря которому культура не прервалась. Его тень витает над новым Петербургом, а тень с точки зрения мифологии и есть душа.

«Бывшие» — люди, обреченные на толкование. Они были видимы детским глазам моего поколе-

ния. Когда же дети выросли, осталась только память. Тогда началась новая жизнь «бывших». Образ и символ, питающие личную и коллективную душу города и страны.

И белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно!..

Н. Агницев